

Номо loquens в свете концепций лингвосинергетики

Современный этап в развитии языкознания отличают поиски новых принципиальных концепций и методов, которые придали бы лингвистическим исследованиям больше динамизма и отражали бы подход к языку и речи как к единству системы и функции. С этой точки зрения все более пристальное внимание лингвистов привлекает в последние годы синергетическая концепция самоорганизующихся функционально-адаптивных систем [1; 5 и др.].

Как научная парадигма синергетика знаменует собой особый стиль научного мышления, ключевыми концептами которого являются открытые нелинейные (диссипативные) системы, самоорганизация, взаимодействие системы и среды [2; 3; 7]. По своему внутреннему строению коммуникативная деятельность, «как и любая другая деятельность, организована как система и одновременно как часть более обширной системы» [4, с. 42].

Связь и взаимодействие индивидов реализуется в коммуникативном процессе, который синергетичен по своей природе. В процессе общения коммуниканты получают друг от друга сигналы, мысленно перерабатывают полученную информацию и реагируют на нее целенаправленными речевыми действиями. Если цель не достигнута, то говорящий реагирует на это либо изменением цели высказывания, либо изменением коммуникативных стратегий и тактик ее достижения. Отношения между общающимися индивидами также являются системными, целенаправленными и регулируемыми и подчиняются определенным правилам.

Таким образом, в соответствии с универсальной синергетической теорией конвергенции живых, социально организованных и созданных человеком искусственных кибернетических объектов говорящего индивида – Номо Loquens также представляется возможным рассматривать как сложную подвижную незамкнутую самоорганизующуюся функционально-адаптивную систему, связанную многообразными отношениями с окружающей средой, которая, собственно, и служит источником мотивации его речевых поступков. Подобно всякой другой открытой системе, коммуникант как языковая личность получает извне импульсы – положительные и отрицательные, критически оценивает результаты своих речевых ходов и реагирует целенаправленными речевыми действиями, отбирая из своего вербального репертуара те из них, которые, как подсказывает ему прошлый коммуникативный опыт, с наибольшей вероятностью принесут ему ожидаемые и благоприятные для него (т. е. наиболее оптимальные – уместные в данной коммуникативной ситуации) результаты.

В теории диссипативных систем внешние факторы подразделяются по характеру оказываемого воздействия на три области: светлую, серую и темную. Указанная типология вполне применима и по отношению к коммуникативной среде, в качестве которой выступает ситуативный контекст.

Светлой считается та часть коммуникативной среды, которая воспринимается как дружественная и безопасная. Серая область – малознакомая сфера, где в равной степени возможны как благоприятные, так и разрушительные воздействия. Темная область представляет собой «зону повышенной опасности» – ту часть среды, которая несет в себе максимальную степень риска для функционирования системы.

Успешность ориентации говорящего в каждой из трех вышеуказанных сфер коммуникативного контекста (ситуации) будет зависеть от типа языковой личности, предыдущего коммуникативного опыта и фоновых социокультурных знаний. Чем более скудной и неточной информацией располагает говорящий о той коммуникативной ситуации, в которой он оказался, тем выше вероятность коммуникативных сбоев и неудач, того, что его речевое поведение будет в данном ситуативном контексте неуместным и неадекватным. «Экология» общения изменчива и требует от говорящего постоянного напряжения, готовности к перестройке своего коммуникативного репертуара, к функциональной адаптации, чтобы достичь состояния «комфортного равновесия» со своей средой. В соответствии с синергетической Моделью Рационального Выбора [12], механизм такого коммуникативного «самоуправления» основан на свойственном человеку здравом смысле и интуиции, выработанной в ходе прошлого опыта.

Итак, каждая конкретная коммуникативная система формируется при взаимодействии коммуниканта (микросистемы) и коммуникативной среды (макросистемы), в ходе которого изменяются оба «активных игрока». Постоянное взаимодействие коммуниканта с окружающей средой – физической и социальной – приводит к изменениям как в поведении индивида, так и в самой среде. Способность индивида модифицировать как собственное речевое поведение, так и воздействовать на речевую деятельность других участников общения определяет степень его коммуникативной свободы. свободы или, в терминологии Keesing [11], власти.

Среда в свою очередь функционирует по аналогичному принципу: она регулирует поведение составляющих ее микросистем (коммуникантов), одновременно воздействуя и на внешнюю по отношению к ней среду, макросистему, частью которой она является. Факторы среды, воздействующие на индивида, могут быть постоянными и варьирующими. Первые Keesing называет «социальной культурой» (social culture), вторые – «социальными бурями» (social storms). Первые представляют собой устойчивые, исторически

сложившиеся нормы повседневной жизни – традиции, социо-политические ценности и т. п., образующие «постоянную матрицу общества» (the permanent matrix of the society); вторые – серьезные потрясения, выпадающие на долю членов социума: войны, революции, «чистки», стихийные бедствия и тому подобные катаклизмы. Реагируя на эти факторы, индивид стремится максимально мобилизовать свои внутренние ресурсы, организуя их так, чтобы оптимально использовать для своей «безопасности» и сохранения устойчивости в будущем. Изменения, происходящие в поведении индивида, называют адаптацией. Изменения, происходящие в среде, называются трансформацией. Взаимодействие индивида с его социо-культурным окружением (средой) называется социализацией, которая может включать одновременно и адаптацию, и трансформацию [11].

Синергетический подход дает основания говорить о преобладании в тех или иных коммуникативных системах адаптивных или трансформационных свойств. Соответственно, различаются системы преимущественно адаптивные и преимущественно трансформационные. В первых процесс взаимодействия индивида со средой ведет к адаптации индивидов, подчинению их среде. Такие системы обычно более устойчивы и структурированы, более инерционны, труднее поддаются трансформациям, отличаются более строгой регламентацией коммуникативной и иной деятельности своих членов (примеры: армия, чиновничество, криминальные структуры, тоталитарные режимы и институты – академические, политические или религиозные). В системах второго типа индивидуальные «игроки» имеют больше возможностей воздействовать на социокультурный контекст, в котором они действуют. Будучи более толерантными к изменениям, такие системы предоставляют своим членам большую свободу действий с целью стимулировать их индивидуальную активность и таким образом мобилизовать внутренние ресурсы для самооптимизации (примеры: искусство, бизнес, экономика и другие сферы более творческой деятельности человека).

Показательным примером применения синергетической методологии к анализу стимулов, управляющих коммуникативным поведением индивида, несомненно, является теория речевой аккомодации (адаптации) – ТРА (speech accomodation theory – SAT), которая, по замыслу ее создателей [6; 8; 9; 10; 13; 14; 15], призвана «выявлять используемые говорящими в межличностном общении стратегии кодирования и интерпретации сообщений, а также исследовать их взаимосвязь» [8, с. 5]. ТРА – это теория социо-психолингвистического взаимодействия, разработанная ее авторами с целью моделирования и прогнозирования сценариев и стереотипов коммуникативного поведения индивидов. Согласно этой теории, участвуя в речевой деятельности, говорящие, сознательно или бессознательно «приспосабливаются» к своему партнеру по коммуникации, «подстраиваясь» под его речевые особенности, которые говорящий либо априорно приписывает партнеру в соответствии со

сложившимися у него традиционными стереотипами, либо наблюдает у собеседника в процессе общения. Соответственно, говорящий отбирает из своего вербального репертуара те стратегии, которые, по его мнению, должны обеспечить ему желаемую реакцию реципиента. Соответственно стратегии «настройки» подразделяются на:

- стратегии речевой конвергенции (speech convergence strategies), используемые коммуникантами для адаптации (уподобления) своей речи к речи партнера и варьируемые в широком и разноуровневом диапазоне по таким параметрам, как высота тона, длина и фонетическая сегментация высказываний, диалектные характеристики, темп речи и паузация, отбираемые лексические единицы, синтаксические модели и т. д.;

- стратегии речевой дивергенции (speech divergence strategies), используемые говорящим с целью акцентировать различия в коммуникативном поведении партнеров. Стратегии этого типа, как правило, вызывают у собеседника дискомфорт и приводят к психологической диссоциации коммуникантов;

- стратегии «поддержания коммуникативного равновесия» (speech maintenance strategies), демонстрирующие, что говорящий по каким-то причинам не считает нужным изменять свои речевые привычки, адаптируя их в угоду собеседнику.

Поскольку степень модификации говорящим своей речи (как при конвергенции, так и при дивергенции) может быть различной и колебаться от заимствования одной-двух речевых характеристик до полного перехода на «коммуникативную волну» партнера, стратегии всех трех перечисленных типов получили также общее название «стратегий сближения» (approximation strategies).

Среди стратегий сближения в особую категорию выделяются так называемые «стратегии речевой комплементарности (взаимного дополнения)» (speech complementarity strategies) [9]. Последние представляют собой речевые модификации, к которым говорящий прибегает с целью подчеркнуть ценностные различия, существующие между коммуникантами, выступающими в данной ситуации в различных ролях. Так, например, юноши иногда стараются говорить более низким «мужественным» голосом в присутствии собеседниц-женщин [14].

Что касается коммуникативного эффекта, производимого использованием говорящим стратегий сближения, то исследования в области ТРА показывают, что использование стратегий речевой конвергенции способствует созданию психологического комфорта, соблюдению оптимальных в данной ситуации социолингвистических норм и дистанции между коммуникантами, а потому

обычно оценивается реципиентами положительно. Дивергентное же речевое поведение и «поддержание коммуникативного равновесия», напротив, вызывают негативную реакцию, вызывая у реципиента подозрения в намерении собеседника дистанцироваться от него, в высокомерии и пренебрежении. Более того, в некоторых случаях может иметь место контр-аккомодация, которая состоит в намеренном игнорировании коммуникантом привычных для реципиента в данной ситуации коммуникативных норм и закономерно воспринимается последним как высокомерие и вызов со стороны партнера, т. е. является по сути формой конфликтного дискурса (conflict talk).

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что синергетический подход, по-новому освещает принцип всеобщей связи явлений, выдвигая на первый план информационно-коммуникативную его сторону и дополняя представление о структурно-функциональном единстве мира положением о синхронизированном, организационно-согласованном существовании его частей. В свете данных синергетики становится очевидным, что растительный и животный мир, мыслящий человек, человеческое общество и созданные ими средства коммуникации – не что иное, как гигантская иерархия систем с информационной саморегуляцией, и, несмотря на качественные различия между действием природных, механических, когнитивных, социальных, коммуникативных и других систем, принцип информационной самоорганизации – это в конечном счете тот общий принцип существования, который их всех объединяет.

Литература

1. Арнольд, И. В. (1991). Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды. *Вопросы языкознания*, 3, с. 118–126.
2. Добронравова, И. С. (1990). *Синергетика: становление нелинейного мышления*. Киев: Либидь, 217 с.
3. Князева, Е. Н., Курдюмов, С. П. (1992). Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. *Вопросы философии*, 11, с. 25–32.
4. Сидоров, Е. В. (1987). Системное определение текста и некоторые проблемы коммуникативной лингвистики. В: *Вопросы системной организации речи*. Москва: Изд-во МГУ, с. 38–50.
5. Тарасова, Е. В. (2001). Communication systems in environment: a synergistic view. *Вісник ХНУ*, 537: Комуникативні та когнітивні проблеми дискурсу, с. 3–10.
6. Тарасова, Е. В. (2018). Теория речевой аккомодации и проблемы управления дискурсом. *Вчені зап. Харків. гуманітар. ун-ту «Нар. укр. акад.»*, т. 23, с. 419–427.
7. Хакен, Г. (1985). *Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах*. Москва: Мир, 423 с.

8. Coupland, N., Giles, H. (1988). Communicative accommodation: recent developments. *Language and Communication*, 8 (3, 4), pp. 175–327.
9. Giles, H., Coupland, N., and Coupland, J. (1991). Accommodation theory: Communication, context and consequences. In: *Contexts of Accommodation*. Cambridge, UK: CUP, pp. 1–68.
10. Giles, H. (2001). Speech Accommodation. In: R. Mesthric, ed., *Concise encyclopedia of sociolinguistics*. Oxford: Elsevier, pp. 193–196.
11. Keesing, R. M. (1981). Theories of culture. *Language, Culture and Cognition*, pp. 36–74.
12. Langecker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press, 377 p.
13. Myers-Scotton, C., Bolonai, A. (2001). Calculating speakers: Codeswitching in a rational choice model. *Language in Society*, 30, pp. 1–29.
14. Streat, R. L., Giles, H. (1982). Speech accommodation theory: A social cognitive approach to language and speech behavior. In: M. E. Roloff, C. R. Berger, eds., *Social Cognition and Communication*. Beverly Hills: Sage, pp. 193–226.